

М. М. Кром

**ЕЩЕ РАЗ О ЧИСЛЕННОСТИ РУССКОГО ВОЙСКА В XVI В.
(ПО ПОВОДУ СТАТЬИ А. Н. ЛОБИНА)**

Disputatio

Статья А. Н. Лобина — далеко не первая попытка если не решить, то хотя бы приблизиться к решению сложной проблемы определения численности русского войска в XVI в. По ряду затронутых сюжетов автору удалось сделать интересные наблюдения, представляющие несомненный интерес, но общие выводы, к которым приходит историк, кажутся мне не более убедительными, чем взгляды предшествующих исследователей этой проблемы.

Трудности, лежащие на пути решения упомянутого вопроса, давно известны: от XVI столетия до нас не дошли воинские реестры, подобные «сметным спискам» вооруженных сил Русского государства 1632 и 1651 г. Правда, некоторые цифровые данные можно почерпнуть из разрядов, но они относятся только к военным кампаниям начиная с 1562/63 г. и упоминают не все категории воинов. Применительно к первой половине XVI в. мы располагаем только свидетельствами нарративных источников, к которым многие исследователи, включая А. Н. Лобина, относятся с недоверием.

В этой связи можно выделить три стороны указанной проблемы. Первый аспект — собственно источниковедческий: как восполнить лакуны в имеющихся источниках и получить надежные данные о численности войска в разные периоды XVI в.? На этой основе возможно решение второй задачи — определение размеров полевой армии в различных кампаниях упомянутого столетия. Наконец, третий и самый трудный вопрос, требующий учета многообразных факторов, состоит в том, чтобы попытаться оценить военный потенциал Русского государства в целом, или, говоря иными словами, — предел его мобилизационных возможностей.

Что касается источниковедческой стороны проблемы, то А. Н. Лобин, как ранее и С. М. Каштанов, полностью отвергает свидетельства нарративных источников, считая их недостоверными, и в основу всех своих расчетов кладет разрядные росписи.

Но гиперкритицизм в отношении каких-то видов источников ничуть не лучше абсолютного доверия к ним. Такая позиция, на мой взгляд, ограничивает и без того скудную источниковую базу, которой мы располагаем применительно к военной истории изучаемой эпохи, и к тому же фактически сужает хронологические рамки исследования до последней трети XVI в., от которой до нас и дошли упомянутые разрядные росписи, содержащие сравнительно точные цифровые данные.

Правда, в отдельных случаях разрядные росписи походов 1560–1570-х гг. могут с успехом применяться (в сочетании с другими источниками) для реконструкции численного состава русских войск в кампаниях первой трети XVI в., как это блестяще продемонстрировал А. Н. Лобин в отношении Оршинской битвы 1514 г. По спискам русских пленных, составленным в Литве после «великой битвы» (как ее там называли), исследователь определил перечень служилых корпораций (всего 15), принимавших участие в этом неудачном для русского оружия сражении; а затем на основании разряда Полоцкого похода 1562/63 г. подсчитал возможное количество детей боярских, выставленных от каждого из упомянутых служилых «городов». И сама предложенная методика, и полученные результаты (общая численность русской рати — до 15 000 человек, а с учетом неготовности воевод к бою и отсутствия в полках многих воинов не более 12 000) представляются мне весьма ценными и убедительными.

Выскажу только одно замечание: составленные в Литве списки русских пленных, как показало их изучение, весьма неполны¹; поэтому выявленный А. Н. Лобиным на их основе список городов, чьи служилые корпорации принимали участие в Оршинской битве, не является исчерпывающим. Можно только утверждать, что там были дети боярские не менее чем из 15 городов.

Но, ценный сам по себе, этот подсчет численности одной сравнительно небольшой рати в одном неудачном сражении еще не дает оснований для выводов о военном потенциале Московского государства в годы правления Василия III. Для подобных выводов требуется анализ имеющихся данных о составе и численности русских войск в остальных кампаниях первой трети XVI в.; необходимо также оценить темпы развития поместной системы в тот период, принять во внимание иные воинские контингенты, помимо помещиков (например, собственные «полки» князей, служивших московскому государю), и т. д.

Но таких наблюдений А. Н. Лобин в своей статье не привел, ограничившись критикой приведенной мною оценки численности русского воинства во время зимнего похода 1535 г. в Литву. В итоге его собственные суждения о максимальной численности войск в крупных походах 1510–1530-х гг. («до 20 тыс. чел.») и об общей численности вооруженных сил в тот период («не более 40 тыс.») оказываются лишь умозрительными гипотезами, основанными не на анализе конкретных источников и соответствующих расчетах, а на общих соображениях, как «должно было быть», исходя из собственных представлений исследователя о непрерывном «процессе изменений вооруженных сил в XVI в.».

На мой взгляд, представления о некоем «инейном прогрессе» в организации и росте численности русской армии с начала XVI по начало XVII в. в корне ошибочны. Изменения, конечно, происходили постоянно, но не все из них носили поступательный

¹ См.: Кром М. М. Старолубская война 1534–1537. Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. Прил. 2. С. 114–115.

характер. Хорошо известно, например, об упадке поместного ополчения на последнем этапе Ливонской войны. И одновременный рост численности пехоты, о котором пишет А. Н. Лобин, явно не мог компенсировать этих потерь, что сказалось на общем военном потенциале Русского государства в конце царствования Ивана IV.

Исходя из неравномерности развития вооруженных сил страны на протяжении XVI в., я предлагаю каждый большой период указанного столетия изучать отдельно. Руководствуясь этими соображениями, я привел в своей статье, с которой полемизирует А. Н. Лобин, все содержащиеся в источниках оценки численности русских войск в кампаниях 1500–1535 гг. Собранные данные я сопоставил с количеством воевод в тех же походах, известным нам из разрядов².

Эта методика вызвала решительные возражения А. Н. Лобина, по мнению которого, «прежде чем ставить задачи *корректного* сопоставления нарративных сведений с разрядными записями, необходимо решить вопрос *достоверности* самих известий» (выделено А. Н. Лобиным. — М. К.). «Принцип прямого сопоставления повествовательных источников и разрядных книг, — считает исследователь, — не всегда может быть применен к количественному измерению вооруженных сил, так как в стороне остаются такие показатели, как размеры служилого землевладения и служилых корпораций XVI в.»

Не могу согласиться с этими возражениями уважаемого оппонента. С точки зрения статистики, два любых числовых ряда могут быть сопоставлены на предмет выявления взаимосвязи между сравниваемыми величинами, причем без каких-либо предварительных условий. А вот если такая корреляция обнаружена, то тогда специалист (в данном случае — историк) должен дать объяснение изучаемому явлению с учетом тех или иных факторов. В своем исследовании я использовал подобную методику для критической проверки различных оценок, с помощью которых современники (чаще всего — иностранцы) характеризовали численность русской полевой армии в кампаниях первой трети XVI века.

При этом обнаружилась интересная закономерность: в большинстве случаев (15 из 22) эти оценки коррелируют с данными о числе воевод, зафиксированными в разрядах, т. е. большему количеству воевод соответствуют и более высокие оценки численности войска³. Поскольку иностранным наблюдателям, в отличие от нас, не были известны разрядные росписи, то можно сделать вывод о том, что их оценки *относительно* достоверны и имели под собой определенные основания (военные донесения, показания пленных, перебежчиков, данные разведки и т. п.).

Достоверность в данном случае очень относительна и ни в коем случае не является синонимом точности. Оценки численности одной и той же рати часто отличались друг от друга на 10 000 человек и более, что является, на мой взгляд, следствием неизбежных погрешностей визуального наблюдения, несовершенства тогдашних способов сбора и передачи информации о противнике, и т. п. Военного историка подобная «точность» вряд ли устроит. Важно, однако, что современники считали эти сведения заслуживающими доверия: на такого рода информацию опирались политики и полководцы при принятии решений.

² См.: Кром М. М. О численности русского войска в первой половине XVI в. // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 69–74.

³ Там же. С. 74–76.

От подобных свидетельств следует отличать заведомо ложные и, как правило, многократно завышенные оценки численности войск противника, носившие откровенно пропагандистский характер. Ценность предложенной методики как раз и состоит, на мой взгляд, в том, что она позволяет отделить реальные, пусть и очень неточные оценки наблюдателей от фантастических цифр, наполнявших победные репортажи и не имевших никакого отношения к действительности. Поэтому я никак не могу принять на свой счет высказанных А. Н. Лобиним в пылу полемики упреков в «апологии сведений нарративных источников», в «прямом отказе от критических методов исследования» и т. п.

Но любая методика имеет свои ограничения. Я должен признать, что попытка вывести на основе построенной мною шкалы некие «коэффициенты» соотношения количества воевод и численности находившихся под их командованием воинов (т. е. сколько ратников приходилось в среднем на одного воеводу) оказалась неудачной. Собранные мною иностранные свидетельства слишком неточны, чтобы их можно было положить в основу подобных расчетов. Соглашаясь в этой части с критикой А. Н. Лобина, хотел бы заметить, что и предлагаемый им меньший «коэффициент» (не более 1500 воинов в расчете на одного воеводу) тоже не может считаться универсальным ориентиром. Поскольку указанная пропорция основана на данных 50–70-х гг. XVI в., то она более или менее верна именно для указанного периода. Но переносить то же соотношение воевод и рядовых воинов на первую треть указанного столетия, когда военная организация еще сохраняла многие приметы удельной старины, было бы рискованным.

От соображений методического характера перейду к выяснению численности русских войск в отдельных кампаниях. С какими трудностями сталкивается в подобных случаях исследователь, наглядно видно на примере зимнего похода 1535 г. в Литву. Казалось бы, данная тема неплохо обеспечена источниками: рассказы об этих событиях сохранились во многих летописях; имеется разрядная роспись похода, в которой упомянуты в общей сложности 24 воеводы (по десять — в московской и новгородской ратях и еще четыре — в северской рати). Наконец, в нашем распоряжении есть ценные документы из бывшего Радзивилловского архива, в том числе показания русских пленных, записанные в мае 1535 г.⁴ И, тем не менее, исследователи не могут прийти к общему мнению относительно численности русских войск в упомянутом походе.

Автор этих строк в основу своих подсчетов положил показания участника зимней кампании 1535 г., пленного лужского помещика Василия Иванова сына Хрушова, данные им на допросе литовскому гетману Юрию Радзивиллу в мае того же года. На вопрос гетмана о численности московского, новгородского и псковского войск пленный ответил:

...войско московское велико: нам, молодым людям, ведати о нем нельзя. Которое войско новгородское и псковское — то ведаем, сколько его есть: потом, яко войско московское было зиме в земли Литовской, в тот час того войска новгородского и псковского было с князем Борисом Горбатым пятьдесят тысяч...⁵

⁴ Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. (ИИВБ. Т. VI) / Сост. М. М. Кром. М.: Варшава, 2002. С. 134–136, 137–139. № 55, 57.

⁵ Там же. С. 138. № 57.

В. В. Пенской считает приведенную оценку «серьезно завышенной». Исследователь с сомнением отнесся к показаниям пленного, который, во-первых, едва ли представлял себе общую обстановку на театре военных действий, а во-вторых, мог сознательно преувеличить или приуменьшить (? — М. К.) численность «своих», «стремясь или угождать допрашивающему, или хотя бы таким способом нанести вред противнику». Кроме того, историк считает маловероятным, чтобы «северо-западные русские земли могли выставить в поход такое количество ратных людей»; ведь всего за 30 лет до описываемых событий, в 1501 г., находившееся в Пскове московско-новгородское войско насчитывало, по подсчетам В. В. Пенского, лишь 14 500 человек⁶.

А. Н. Лобин называет приведенные В. И. Хрущовым цифры, относящиеся к численности новгородско-псковской рати в 1535 г., «фантастическими». По его мнению, показания луцкого помещика не могут быть использованы для количественной оценки этого войска. Аргументация исследователя, более подробная, чем у В. В. Пенского, сводится, по сути, к тем же трем пунктам: 1) рядовой сын боярский не мог иметь реальных сведений о размерах всей военной группировки; 2) данные, которые приводил пленный на допросе, были лишь повторением инструкций, которые он слышал от своих командиров, и представляли собой пример сознательной дезинформации противника; 3) численность рати, названная Хрущовым (50 000), намного превышала предел мобилизационных возможностей Новгородской и Псковской земель, который, по мнению А. Н. Лобина, приближался к 10 000.

Что касается первого аргумента, то рядовые дети боярские, действительно, едва ли располагали информацией о численности армии, в которой служили. Но случай Василия Хрущова был особым: из его показаний явствует, что во время похода он находился при командующем псковско-новгородской рати — князе Борисе Ивановиче Горбатом. Свой отказ назвать численность московской рати, которую возглавлял кн. М. В. Кислый Горбатый, а передовой полк вел кн. И. Ф. Овчина Телепнев Оболенский, пленный мотивировал так: «...а которое войско великое московское было с князем Кислицою а с князем Овчиною, того деи есми не видал, бо есми в том войску не был: был есми при князи Борисе в том войску новгородском»⁷ (выделено мной. — М. К.). Далее, отвечая на вопрос гетмана, собираются ли воеводы вступить в бой с литовскими войсками, В. Хрущов поведал:

...которые дети боярские до воевод приходни, тым воеводы сказывали: если войско литовское приидеть, а будут ли люди малые, годно з ними дело делати — ино будут делати; не будут ли мочи против них, ино однак под людьми будут ходити»⁸ (выделено мной. — М. К.).

Как видим, Василий Хрущов относился к числу тех детей боярских, которые были «до воевод приходни», т. е. имели доступ к командованию. Этим и объясняется его удивительная осведомленность и о численности новгородского войска во время зимнего похода, и о вероятной тактике воевод в предстоящей летней кампании. Очевидно также, что речь шла не об официальных инструкциях, которые, говоря современным языком, доводились до всего личного состава, а о секретной информации, которой

⁶ Пенской В. В. Военный потенциал Российского государства в конце XV – XVI веках: количественное измерение // ОИ. 2008. № 1. С. 7.

⁷ Радзивилловские акты... № 57. С. 138.

⁸ Там же.

воеводы делились только с особо доверенными людьми из числа подчиненных им детей боярских.

Можно ли считать показания пленного луцкого помещика сознательной попыткой дезинформации противника? Внимательное изучение протокола его допроса позволяет отвергнуть это предположение. Василий Хрущов явно говорил не по шаблону, не по заранее заученной инструкции; он давал четкие и обстоятельные ответы на все заданные ему гетманом вопросы.

В этом отношении его показания разительно отличаются от приведенных в статье А. Н. Лобина наказов ратным людям 1595 и 1617 гг. — что им говорить в случае пленения. Характерная черта этих трафаретных документов — полное отсутствие каких-либо конкретных деталей; составители стремились подчеркнуть многочисленность московского войска без указания подробностей, которые могли бы быть использованы противником: «...по всему берегу стоят большие бояре и воеводы многие со многими людьми, и стрельцы многие...» и т. д. Разумеется, нет в этих наказах и каких-либо цифр. Показания В. Хрущова, напротив, изобилуют конкретными деталями и свидетельствуют о прекрасном знании им военной обстановки зимой и весной 1535 г.

Наконец, скептикам можно задать следующий вопрос: какой урон мог нанести пленный сын боярский противнику, приводя заведомо ложные данные о численности новгородской рати в *уже закончившейся кампании*? Смысла в таком поведении не видно никакого, а рисковал Хрущов своей жизнью. Ведь его допрашивал сам Ю. М. Радзивилл, главнокомандующий литовской армией, располагавший, естественно, многими другими источниками информации о вражеском войске. И если бы выяснилось, что дерзкий помещик намеренно вводит гетмана в заблуждение, последствия для пленного нетрудно предугадать. Но ничто в показаниях В. Хрущова не свидетельствует о его готовности к самопожертвованию; напротив, подробно отвечая на все заданные ему вопросы, раскрывая планы русских воевод, пленный явно надеялся снискать расположение литовских властей.

Таким образом, попытки дезавуировать показания В. Хрущова на том основании, что он или не владел необходимой информацией, или намеренно вводил противника в заблуждение, не выдерживают критики. Несостоятелен и тезис А. Н. Лобина о том, что показания пленных будто бы вообще не заслуживают доверия, в доказательство чего исследователь приводит целых три (!) примера, заимствованных из эпохи Ливонской войны.

Но остается еще один, причем самый сильный аргумент: названная Хрущовым численность новгородской рати (50 000), в самом деле, очень велика. Соответствует ли она действительности? Мог ли Северо-Западный край выставить такую рать?

Напрасно А. Н. Лобин упрекает меня в том, будто я даже не ставлю вопроса о проверке показаний пленного: и в цитируемой им статье, и в специальных работах о Стародубской войне, которые исследователь почему-то оставил без внимания, я ссылаюсь на более ранние, чем допрос В. Хрущова (а следовательно, независимые от него), свидетельства польско-литовского происхождения, подтверждающие, на мой взгляд, достоверность приведенных луцким помещиком сведений⁹. Испокон веку в нашей про-

⁹ Крам М. М.: 1) О численности русского войска... С. 72; 2) Стародубская война (1534–1537 гг.) // Очерки феодальной России. М., 1999. Вып. 3. С. 120; 3) Стародубская война 1534–1537. Из истории русско-литовских отношений. С. 52.

фессии согласие независимых источников между собой признавалось важным аргументом в пользу того, что им можно верить. Остановимся на этих свидетельствах подробнее.

10 февраля 1535 г. Мауриций Фербер, епископ Варминский, сообщил в письме известному дипломату, хельминскому епископу Яну Дантышку о только что доставленном ему с гонцом известии: «московиты» осаждают в Литве три крепости, в том числе Полоцк; причем «в каждой из этих осад они располагают более чем 20-тысячным войском (in qualibet circumventionem habent exercitum ultra XX milia)»¹⁰.

Поскольку из летописей известно, что Полоцк, Витебск и Браслав оказались в зоне боевых действий псковско-новгородской рати¹¹, то именно к ней относится известие, полученное варминским епископом по горячим следам (поход начался из Опочки 3 февраля). У страха, как известно, глаза велики: если принять на веру процитированное выше сообщение, то получится, что войско, осадившее названные крепости, насчитывало в общей сложности 60 000.

Прошло несколько недель, и тот же Дантышек получил письмо из Вильны, датированное 3 марта 1535 г. Письмо было написано очень осведомленным человеком: секретарем великого князя Литовского и польского короля Сигизмунда I Николаем Нипшицем. Нипшиц сообщал своему корреспонденту о большом ущербе, причиненном недавним нападением «московитов», войско которых, «...численностью до 40 000 (bys yn fyrczyk tawsent schtark)», вторглось в Литву близ ливонской границы (bey der eyflendyschen grenycz yn lytawen gezogen), причем ливонцы на это «смотрели сквозь пальцы» (dy eyflender haben durch finger gesehen)¹².

В. В. Пенской с доверием относится к этому известию, которое он цитирует по моей статье. По мнению исследователя, письмо Нипшица «...отражало, судя по всему, действия соединенной русской рати на завершающем этапе похода», когда все воеводы, по свидетельству летописи, вышли на Опочку¹³. Таким образом, приведенная оценка (до 40 000) в интерпретации В. В. Пенского относится к новгородской и московской ратям вместе. Однако, на мой взгляд, эта интерпретация является ошибочной.

Дело в том, что московская и новгородская рати в течение всего похода действовали раздельно. Хотя по первоначальному плану войска должны были объединиться, но, как сообщил на допросе уже известный нам В. Хрущов, участник той кампании, соединения корпусов не произошло; имела место только встреча воевод: «А тое войско московское з войском новгородским не злучалось, одно ж воеводы ся зъезжали»¹⁴. Возвращались московская и новгородская рати также разными маршрутами, которые подробно описаны в Вологодско-Пермской летописи, а 1 марта оба корпуса вышли к Опочке¹⁵. Тот факт, что московские и новгородские воеводы до самого конца похода предпочитали не объединять свои силы, косвенно свидетельствует о том, что обе рати были весьма велики, и их соединение могло бы вызвать затор на дорогах.

Упоминание Нипшица о вторжении «московитов» явно относится к началу кампании, а не к ее завершающей фазе, а само место вторжения (близ ливонской границы)

¹⁰ АТ. Posnaniae, etc. 1966. Т. XVII. Р. 113. № 86.

¹¹ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 288; М., 1965. Т. 29. С. 15.

¹² АТ. Т. XVII. Р. 197. № 139.

¹³ Пенской В. В. Военный потенциал... С. 7.

¹⁴ Радзивилловские акты... С. 138. № 57.

¹⁵ ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 316.

может относиться только к псковско-новгородской рати, которая вышла из Опочки 3 февраля и двинулась на Полоцк и Браслав; в то время как московские воеводы во главе с кн. М. В. Горбатым Кислым, выйдя из Можайска, шли на Дубровну, Оршу, Друцк (см. карту в моей книге)¹⁶.

Таким образом, мы имеем два независимых друг от друга свидетельства, относящихся к одному и тому же войску и принадлежащих хорошо осведомленным современникам: луцкому помещику В. Хруцову, участнику похода в составе новгородской рати, и королевскому секретарю Н. Нишпицу. Названные ими цифры (соответственно, 50 000 и «до 40 000») очень близки: как уже говорилось, погрешность в 10 000 была совершенно обычной в то время при визуальной оценке большого войска. Абсолютной точности в подобных случаях, разумеется, ожидать не приходится.

Названная Хруцовым цифра в 50 000, слышанная им от воевод или ставшая результатом его собственной визуальной оценки во время осмотра новгородской рати, несомненно, является завышенной. Важно, однако, подчеркнуть, что и для него самого, и для тех, кто его допрашивал, указанная оценка оставалась в пределах правдоподобия: как было показано выше, Хруцов говорил на допросе только то, что сам видел и слышал, и не пытался ввести гетмана в заблуждение. Вполне можно допустить, что реальная численность псковско-новгородской рати была при этом преувеличена раза в полтора-два, и на самом деле она составляла от 25 000 до 30 000 с небольшим, что вполне согласуется с информацией, которой располагал в начале марта 1535 г. королевский секретарь Н. Нишпиц.

Предполагаемой величине рати кн. Б. И. Горбатого как будто противоречит указание А. Н. Лобина на предел мобилизационных возможностей Новгородской и Псковской земель, который, по его мнению, не превышал 10000. На это можно возразить, во-первых, что 10 000-ное войско едва ли решилось бы на самостоятельный рейд вглубь вражеской территории; оно вряд ли представляло бы угрозу крупным крепостям (таким как Полоцк и Витебск) и уж тем более не стало бы приближаться к литовской столице. Во-вторых, непонятно в таком случае, как могли литовские власти принять 10 000-ный отряд за 40 000-ную армию, и зачем было шенному сыну боярскому на допросе перед гетманом в пять раз завышать численность своего войска в уже закончившемся походе.

Наконец, в-третьих, я полагаю, что А. Н. Лобин недооценивает военный потенциал Северо-Западного края. Исследователь ссылается на разряд Полоцкого похода 1562/63 г., согласно которому Новгород и Псков выставили не более 3000 дворян и детей боярских. Однако есть основания полагать, что указанная цифра соответствовала лишь примерно половине поместного ополчения северо-западных земель.

По подсчетам Г. В. Абрамовича, общее количество новгородских помещиков в 40-х гг. XVI в. достигло 5000–6000 человек¹⁷. Если считать, что соотношение между детьми боярскими и их послужильцами на Северо-Западе в 30-е гг. было таким же, как в луцком отряде, о котором упоминает В. Хруцов, т. е. 1:2, то получается, что при «точной» мобилизации Новгород мог выставить до 15 000 поместной конницы.

Между тем, как свидетельствует тот же Василий Хруцов, в 1535 г. власти действительно прибегли к чрезвычайным мерам, стараясь максимально увеличить формируе-

¹⁶ Кром М. М. Стародубская война 1534–1537. С. 55. карта 3.

¹⁷ Абрамович Г. В. Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1975. С. 21.

мое войско: «И то поведил, чога деи перед тым, за князя великого Василья не бывало, абы люди владычни, монастырские сытничие и конюхи у войско ходили; теперь тым всим у войско пойти казано»¹⁸. Речь, вероятно, шла о набираемых с монастырей и епископских кафедр «даточных людях». Кроме того, можно предполагать набор с посадских дворов пищальников и конных ратников, что должно было увеличить войско еще на несколько тысяч человек¹⁹. Таким образом, уже в 1535 г. новгородская рать состояла отнюдь не только из помещиков и их слуг.

Из летописи известно, что в войске под началом новгородского наместника князя Б. И. Горбатого, помимо новгородских помещиков, находились также псковичи, торопчане, лучане и ржевичи²⁰. В Полоцкий поход 1562/63 г. первые три служилые корпорации выставили, соответственно, 378, 210 и 150 детей боярских²¹. Количество ржевичей определить труднее: один раз в полоцком разряде они посчитаны вместе с зубцовскими детьми боярскими (в сумме 273 чел.), второй раз отдельно упомянуты 80 ржевских помещиков²². В общей сложности четыре названные служилые корпорации могли выставить более 900 детей боярских, а вместе с послужильцами — до 3000 конных.

Таким образом, даже с учетом неполноты имеющихся у нас данных можно полагать, что в случае серьезного напряжения сил, как это было в Новгороде и Пскове в 1535 г., северо-западные уезды страны вполне могли снарядить более чем 20 000-ную армию.

Но одновременно с псковско-новгородской ратью, вторгшейся в Литву с северо-востока, на центральном направлении действовала другая рать — московская, которая, судя по количеству воевод (10) и их местническому статусу (большой полк возглавлял боярин кн. М. В. Горбатый, а передовой полк вел фаворит великой княгини Елены — боярин и конюший кн. Иван Федорович Овчина Телепнев Оболенский), была никак не меньше, а, вероятно, больше псковско-новгородского войска. Мы знаем также, что в походе участвовали городецкие татары со своими царевичами и мурзами, а также мордва из Рязанской земли²³. В общей сложности московская и новгородская рати могли насчитывать порядка 55 000–60 000.

Был, однако, и третий корпус, действовавший на Северщине под командой четырех воевод. Его численность предположительно составляла от 5000 до 10 000.

Таким образом, одновременно в поле в зимнем походе 1535 г. могло находиться до 70 000 человек. В опубликованных ранее работах я называл более высокие цифры предполагаемой численности русских войск в этой кампании: 110 000 и даже 120 000²⁴. Но сейчас я полагаю, что столь оптимистические оценки скорее характеризуют предел мобилизационных возможностей Русского государства в середине XVI в., чем реальную численность полевых армий в любой из крупных военных кампаний указанного столетия.

¹⁸ Радзивилловские акты... С. 138. № 57.

¹⁹ Например, в сентябре 1545 г., согласно присланной в Великий Новгород великокняжеской грамоте, с города и пригородов надлежало собрать 1973 человека «на конех» и 2000 пищальников (конных и пеших). См.: ААЭ. СПб., 1836. Т. I. С. 184. № 205.

²⁰ ПСРЛ. Т. 26. С. 316.

²¹ Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) / Сост. К. В. Петров. СПб., 2004. С. 38, 41.

²² Там же. С. 40, 41.

²³ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 106.

²⁴ Кром М. М. 1) О численности русского войска... С. 72; 2) Стародубская война 1534–1537. С. 52.

Выяснение численности русских войск в масштабных военных экспедициях например, казанских походах 1506 и 1552 гг., походе в Литву зимой 1535 г. и Полоцком походе 1562/63 г. — это первый и необходимый шаг к определению военного потенциала Московского государства XVI столетия. Поскольку даже в отношении Полоцкого похода 1562/63 г., от которого сохранилась подробная разрядная роспись, историки продолжают спорить о размерах войска Ивана IV, взявшего эту крепость (В. В. Пенской, например, пишет о 70 000–75 000 «сабель и пицалей» и еще около 25 000 «нестроевых»²⁵, а А. Н. Лобин в обсуждаемой здесь статье говорит лишь о 45 000), то и вопрос о пределе мобилизационных возможностей страны остается (и в ближайшей перспективе останется) остро дискуссионным.

Упомяну лишь о некоторых ключевых аспектах этой проблемы. Подобно тому как специалисты по аграрной истории спорят о населенности крестьянского двора, скрытой в писцовых книгах за обозначением «человека» — главы домохозяйства, так и военные историки не могут прийти к согласию относительно количества холопов-послужильцев, сопровождавших своих господ — детей боярских — в походах. А. Н. Лобин и здесь пытается вывести некий средний показатель для всего XVI столетия, который, по его мнению, составлял 1:1.

На мой взгляд, подобный подход является бесперспективным, поскольку количество боевых слуг у помещиков менялось с течением времени. У лужичских помещиков в 30-х гг., как явствует из свидетельства В. И. Хрущова, было по два послужильца на каждого. Согласно Каширской десятине 1556 г., уездные дети боярские могли выставить по одному боевому слуге и одному кошевому холопу. А в конце Ливонской войны, как показал Н. В. Смирнов, разорение помещичьих хозяйств привело к тому, что холопы-послужильцы стали незначительным меньшинством в рядах поместной конницы²⁶. Следовательно, при подсчетах численности войска нужно учитывать это меняющееся соотношение: в 1530–1550-х гг. и в последующую эпоху оно было различным.

В связи с проблемой послужильцев затрону еще один спорный вопрос. В. В. Пенской и А. Н. Лобин единодушно не включают служивших в обозе кошевых холопов в состав войска. Мне кажется такая «строгость» неоправданной: разумеется, когда речь идет о боевых качествах русской конницы, о военной тактике и т.п. сюжетах, то об обозе можно и не вспоминать. Но если писать не историю военного искусства, а социальную историю армии, изучать военную организацию и военную повседневность, то и обоз, и вспомогательные войска (*посохи*) займут в ней свое место. И если нас интересуют мобилизационные возможности страны, то нужно вести отдельный подсчет и кошевых, и посохи. Ведь без обоза и крестьян, тащивших орудия, ни одна армия в XVI в. воевать не могла. Я не предлагаю, разумеется, все категории ратников объединять вместе и считать нарастающим итогом: такая «сумма» не имела бы большого смысла. Но учитывать нужно всех.

Другая сложная проблема — взаимосвязь численности войска, в первую очередь поместного ополчения, с размерами дворянского землевладения. Доказывая, что поместная конница (т. е. дети боярские и их послужильцы) в XVI в. не могла насчитывать

²⁵ Пенской В. В. Воспный потешчал... С. 10–11.

²⁶ Смирнов Н. В. Боевые холопы в составе поместной конницы в первой половине XVI – первой половине XVII в. // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М.: СПб., 2006. С. 374–375.

75 000, А. Н. Лобин ссылается на нормы Уложения о службе 1556 г., согласно которым с каждых 100 четей должен был выставляться один вооруженный воин. По мнению исследователя, чтобы снарядить 75 000-ное войско, требовалось 7,5 млн четей, но «такого размера помещичьих хозяйств, — утверждает А. Н. Лобин, — Россия попросту не имела».

Приведенный аргумент вызывает ряд недоуменных вопросов. Откуда, например, исследователю известна площадь всех помещичьих хозяйств на протяжении XVI в.? Ведь писцовые книги за все это столетие сохранились только по Новгородской земле. Там, по подсчетам авторов «Аграрной истории Северо-Запада России», фонд поместных земель составлял в разные периоды от 24 000 до 33 000 обож, т. е. примерно 240 000–330 000 четвертей (считая в обже по 10 четвертей)²⁷.

Ситуация в других уездах страны отражена в сохранившихся писцовых книгах фрагментарно, а параллели с XVII в. могут быть рискованными (да и тех историк не привел). Кроме того, Уложение о службе 1556 г. едва ли может служить сколько-нибудь надежным ориентиром: даже в момент его принятия, как показал Н. В. Смирнов, оно выполнялось не полностью²⁸, и уж тем более странно исходить из его норм при подсчетах численности войска в первые десятилетия XVI в.

Но главное возражение состоит в том, что А. Н. Лобин, по сути, ставит знак равенства между конным ополчением XVI в. и помещиками. Между тем в великокняжеском (а затем царском) войске были обязаны служить все землевладельцы: и помещики, и вотчинники, и владельцы небольших княжеств. Интересная картина вырисовывается в опубликованной недавно А. В. Антоновым дозорной писцовой книге 1551–1554 гг. по Тверскому уезду²⁹: по моим подсчетам, всего там перечислено 1173 землевладельца, из них 489 служили царю, 168 — другим господам (тверскому епископу, князьям Микулинским и т.д.), а 220 человек заявили о том, что они не служат никому!³⁰

Таким образом, тверская служилая корпорация составляла на тот момент около 500 человек, т. е. менее половины всех землевладельцев уезда. Примечательно, что в разряде Полоцкого похода 1562/63 г. упомянуто «тферич дворовых и городовых» 240 человек³¹, т. е., как и в рассмотренном выше случае новгородской служилой корпорации, норма мобилизации составила, по-видимому, 50 %. По той же норме собирались и пешие ратники для этого похода: «в полы прежнего наряду», как сказано в разрядной книге³². Поэтому утверждение А. Н. Лобина о том, что в упомянутом походе 1562/63 г. представительство поместных корпораций было максимальным за все XVI столетие, а собранное войско — самым большим, представляется мне недоказанным.

Но и те 168 тверичей, которые, согласно писцовой книге 1551–1554 гг., служили не царю, а другим лицам, тоже, по всей вероятности, могли оказаться в составе государственного войска, но только не вместе со своей городской корпорацией, а в тех отрядах боевых слуг, которые выставляли по царскому приказу их господа. Таким образом,

²⁷ Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. Л., 1974. С. 271, табл. 212.

²⁸ Смирнов Н. В. Боевые холопы... С. 381.

²⁹ См.: Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / Сост. А. В. Антонов. М., 2005. С. 144–310.

³⁰ Подробнее о проблеме частной службы и покровительства в XVI в. см.: Кром М. Private Service and Patronage in Sixteenth-Century Russia // Russian History. 2008. Vol. 35. № 3–4. P. 309–320.

³¹ Книга Полоцкого похода 1563 г. С. 43.

³² Там же. С. 35.

при постановке вопроса о военном потенциале страны эти частные слуги (как добровольные, так и холопы-послужилыцы) также должны приниматься во внимание.

В заключение я бы хотел коснуться возможности сопоставления данных о русской армии XVI в. с гораздо более богатыми материалами XVII в. А. Н. Лобин приводит итоги «сметы» вооруженных сил на 1630 г., согласно которым общее число воинов составляло тогда 92 555 человек. Очевидно, исследователь полагает, что это был совершенно недостижимый предел для предыдущего столетия. Характерно, однако, что в Смоленский поход 1632 г. удалось снарядить только 32 000: вероятно, страна и ее вооруженные силы еще не полностью оправались от последствий Смутного времени. Поэтому в «смете» на 92 500 можно видеть номинальный численный состав царского войска, отражавший, возможно, еще досмутные времена. А в 50–60-е гг. XVI в., до того, как начался затяжной кризис, связанный с Ливонской войной, и поместная система пришла в упадок, военный потенциал страны мог быть еще выше, доходя до предполагаемого мною (и рядом других авторов) 100 000-го рубежа.

Summary

Questioning some assumptions and approaches proposed in Alexei Lobin's article, the author attempts at reassessing the strength of the Russian army in the 16th century. He maintains that since ways and conditions of the army recruitment differed greatly at the beginning and at the end of the century, the number of warriors at different periods should be calculated separately: a general account cannot be extrapolated from the data related to the last third of the 16th century. Another controversial issue concerns the sources of information that such calculations can be based upon: the author objects to disregarding narrative sources (chronicles, private correspondence, etc.) which is typical of Lobin's approach. If carefully examined and compared to other sources, they can provide valuable information.

As a case study the author analyses the accounts of the Russian troupes' strength in one particular military campaign, an attack against Grand Duchy of Lithuania in winter and early spring of 1535. During this campaign, the Russian army divided into three corps numbered altogether 60 000 to 70 000 men.

To assess Russia's general military potential is a more complicated issue. Risking at a guess and drawing upon the army register from the early 1630s, the author assumes that the limit of mobilization resources of the Russian army in the 16th century amounted approximately to 100 000.